

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. Т. КАЛАШНИКОВА

Информационные технологии и письменное наследие

El'Manuscript-2012

Материалы IV международной научной конференции
Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 года

Петрозаводск, Ижевск
2012

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0
И741

Изданы при поддержке гранта РФФИ (проект № 12-06-06061-г),
гранта РГНФ (проект № 12-04-14154-г) и в рамках реализации комплекса
мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 г.

Ответственные редакторы:
В. А. Баранов, д-р филол. наук, проф.
А. Г. Варфоломеев, канд. физ.-мат. наук, доц.

Информационные технологии и письменное наследие [Текст] :
И741 материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября
2012 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. — Петрозаводск ;
Ижевск, 2012. — 328 с.

ISBN 978-5-8021-1402-5

Сборник содержит материалы конференции, посвященной современ-
ным электронным средствам хранения, описания, обработки, исследования
и публикации памятников письменности и исторических источников.

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0

ISBN 978-5-8021-1402-5

© Петрозаводский государственный
университет, 2012
© Ижевский государственный технический
университет им. М. Т. Калашникова, 2012

О ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. Р. Абдулхакова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

The main directions of formation of grammatical category — verbal adverbs as a result of the following changes are considered: fixing of certain syntactic functions, developments of standard grammatical value, stabilization of formal indicators.

Решение вопроса о времени начала разрушения древнего причастия находится в неразрывной связи с установлением критериев для определения деепричастия как самостоятельной грамматической категории. Основными параметрами, которые имеют существенное значение при характеристике любой части речи, являются единство формы, грамматического значения и синтаксических функций. В процессе становления деепричастия выбор формы и ее стабилизация оказались теснейшим образом связанными с выражаемым этой формой значением, а также той функцией, которую данная форма выполняла в контексте, поскольку «значение не только слов, но и грамматических форм этих слов, так же как и содержание грамматических конструкций, может быть понято только через призму их функционального использования» [Ярцева, 1977: 108]. Вместе с тем, «вопросы формы для грамматики имеют первостепенное значение потому, что утверждать о наличии в данном языке той или иной грамматической категории можно лишь в том случае, когда имеется определенная система грамматических форм для выражения данного значения» [Ярцева, 1990: 9]. Поэтому при рассмотрении процесса становления деепричастия как самостоятельной грамматической категории необходимо учитывать все три фактора, определявшие его развитие.

В.В.Виноградов отмечал: «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике... В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [Виноградов, 1972: 31].

Указание на изменение синтаксических функций именного действительного причастия как причину возникновения деепричастий находим в работах многих ученых, занимавшихся проблемой образования деепричастия как в русском, так и в других славянских языках (А.А.Потебня, Е.А.Истрина, Е.Ф.Карский, А.А.Шахматов и др.; В.Барнет, Р.Ружичка, Р.Вечерка, М.Деянова и др.).

Уже в ранних славянских и древнерусских памятниках отражено состояние, при котором причастные значения совмещались с деепричастными, а потому старые причастия могут рассматриваться как своего рода синкрета, в которой совмещались адъективные и вербальные семы, в том числе и сема добавочного действия и связанных с ним обстоятельств.

Г.А.Хабургаев относит обозначение второстепенного действия субъекта к «старославянским традициям употребления нечленных действительных причастий» [Горшкова и Хабургаев, 1981: 355]. «Четко осознаваемое значение действия или состояния, особенно свойственное действительным причастиям, определяло иную (чем функция определения или именной части сказуемого — Л.А.) роль их в старославянском предложении.

В том случае, когда возникла необходимость указать на ряд действий или состояний, характеризовавших субъект или выполнявшихся субъектом, спрягаемой глагольной формой обозначалось главное, наиболее существенное в данной ситуации или в данный момент действие (состояние): остальные же действия (состояния) субъекта обозначались действительными причастиями. Таким образом, действительные причастия, согласуясь с подлежащим в роде, числе и падеже как определения, фактически обозначали второстепенное действие, а не признак подлежащего (наподобие современного русского деепричастия, а не причастия)» [Хабургаев, 1986: 259]. Такую функцию связывают с влиянием греческих оригиналов на старославянские переводы евангелий (Г.А.Хабургаев, М.Л.Ремнева). Вместе с тем Г.А.Хабургаев указывает на то, что она «не была чужда и славянским причастиям; именно она привела к образованию современных русских деепричастий» [Хабургаев, 1986: 259].

На ранних этапах рассматриваемого процесса определяющая роль синтаксических функций проявилась в выделении отдельных форм краткого причастия, характеризовавшихся особой предикативностью («апозитивное причастие» по А.А.Потебне). Поскольку причастия обладали присущей глаголу категорией времени, то разные временные формы оказались способными указывать на предшествование второстепенного действия основному или на сопутствование ему. Однако выражение разных временных планов определялось не только формой деепричастия, но зависело и от других факторов: лексического значения глагольной леммы, от места деепричастия в структуре предложения. Как показывает анализ контекстуальных условий использования разных образований в древнерусском языке, формы прошедшего времени, как правило, выражали предшествование основному действию и находились в препозиции по отношению к глагольному сказуемому, а формы настоящего времени обозначали одновременность действий, находясь в постпозиции.

Между тем уже по отношению к древнейшим славянским памятникам речь может идти о выражении именными образованиями не только значения второстепенного действия, но и обстоятельственных значений, хотя во многих случаях приходится отмечать возможность двойного толкования одних и тех же контекстуальных условий употребления причастных форм.

Временная последовательность событий могла совмещаться с представлениями о причинно-следственных связях между ними, создавая предпосылки для формирования новых обстоятельственных значений, которые стали выражать краткие формы старого причастия, все более обособливающиеся от полных. На основе значения времени у деепричастия формировались такие обстоятельственные характеристики, как причины, условия действия и др., которые были представлены уже в памятниках старославянского и древнерусского языка.

Выработка специфических синтаксических функций сопровождалась закреплением особого грамматического значения новой категории — значения второстепенного действия, с одной стороны, и процессуального признака действия — с другой. Что касается становления формы деепричастия, то можно сказать, что этот процесс по времени своего осуществления «сопутствовал в порядке следования» синтаксическим и грамматическим изменениям.

В процессе обособления именных форм причастия ведущая роль принадлежала функционально-грамматическому фактору — выражению предикативного значения, что привело к участию в нем, прежде всего, именительного падежа, а также дательного и винительного, обладавших высокой степенью предикативности. Наличие разных флективных показателей у форм именительного падежа, зависящих от категории числа и рода, способствовало появлению большого числа формальных признаков у обособлявшихся образований. Это состояние нашло отражение в древнерусских памятниках XII– XIV вв., где в деепричастном употреблении зафиксированы самые разнообразные формы: река, рькучи, рькуще(и), рекъ, рекъше(и) и др.

На следующем этапе развития категории деепричастия (XV–XVII вв.) постепенно закрепляется зависимость выбора формы от категории вида производящего глагола, что нашло отражение в заменах деепричастных образований в однотипных контекстах одновременных летописных сводов — Лаврентьевской летописи (ЛЛ) и Московском летописном своде (МЛС), напр.: совокупя (ЛЛ) — совокупивъ (МЛС), выступя ся (ЛЛ) — выступивъ ся (МЛС), внида (ЛЛ) — вшедь (МЛС), возьма (ЛЛ) — взем (МЛС) и под.

Однако окончательная стабилизация морфологической формы деепричастия и его формальных показателей происходила в течение длительного времени и заключалась во взаимодействии и конкуренции разноаффиксных образований. Синонимичные формы не сразу уступали свои позиции, находя разные возможности для своего сохранения. Вариативность, сохраняющаяся в деепричастиях и в современном русском языке, свидетельствует о незавершенности этого процесса.

Список литературы

Виноградов, 1972 — Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Горшкова и Хабургаев, 1981 — Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Хабургаев, 1986 — Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1986. Ярцева, 1977 — Ярцева В.Н. Проблемы исторической грамматики: соотношение синхронии и диахронии // Филологические науки. 1977. № 6. С.107–116.

Ярцева, 1990 — Ярцева В.Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С.4–36.